

ТОПОСА ИЗ ХОРА

Фразы

Эй, на берегу

Блатнятина уже всем надоела до тошноты, поймите, что кроме Пугачевой и Киркорова в России есть еще кой-какое население, и певцы хорошие еще водятся, и танцоры, и музыканты и даже, пусть редко, хлеборобы встречаются, и плотники тоже, и рыбаки, и токари, и прочие работники.

Вот для тех и о тех стоит писать...

Виктор Астафьев, г. Красноярск

Несовершеннолетние мысли

Однажды на уроке

в Тындинской гуманитарной гимназии N 1 девочка Настя Белая написала:

"Все великие люди начинаются с души. От нее зависят степень, качество и долгота этого величия. Пусть не прав Платон, говоря о мире идей, где душа все знала, но объяснить, почему это неправда, еще никто не смог, равно как и доказать обратное.

Ведь гораздо проще отрицать. - Нет! -

Нет человека, нет проблемы, - говорили в прежние времена. Так вот какое оно хорошее, слово "нет"! - Нет! - и сразу все становится на свои места. Любовь, муки, пусть сладкие, пусть горькие, страдание - нет! Отрицаю! - и все спокойно. Но все отрицать нельзя, поскольку тогда придется отрицать и себя, свое существование. Хорошо, пусть "да" останется тому, что я могу пощупать, посмотреть, попробовать. Но не все можно ощутить таким образом. А раз нельзя, то мы это будем отрицать, отбрасывать за ненужностью. Зачем? Как зачем? Ведь общество стоит на месте и загнивает со всеми вашими добротой, пониманием и любовью. Так давайте выкинем с тонущего корабля эти лишние грузы - и повернем руль всплывшего, спасенного от смерти гиганта в свою сторону.

Кто поведет этот корабль? Нигилист не в силах развернуть корабль - без веры (а Базаров уже доложил нам, что он ни во что не верит) далеко не уйдешь..."

Недавно сотрудники редакции встретились с директором Тындинской гимназии В. Д. Самолюком и договорились о встрече в легендарной Тынде. Оказывается, не железной дорогой (и только) жив человек. Позже мы постараемся рассказать о поездке в столицу БАМа.

Всероссийский совет атаманов в Элисте

Скупой сообщила российская печать о том, что в Элисте (Калмыкия) прошел Совет атаманов, в котором приняли участие 217 человек из всех казачьих войск России. Основные вопросы свелись к одному, главному - о государственном становлении казачества, стало быть, о формировании законодательной базы становления.

Представительный казачий съезд не только продемонстрировал живучесть старых традиций повсеместно на всех русских берегах, но вновь подтвердил незыблемость нравственных заветов седой старины.

Совет атаманов вынужден был опять подчеркнуть необходимость убрать из топонимики городов и сел имена одиозных лиц, повинных в геноциде русского народа, в частности, скорейшего переименования Свердловской области (Я. М. Свердлов написал в 1919 году указ о поголовном уничтожении казаков).

С. П-в.

ОДНАЖДЫ в станице Албазинской вместе с группой армейских офицеров (среди них был и казачий в звании подхорунжего), по казенной надобности шедших в низовья Амура, к Хабаровску, оказались молодые поляки, разумеется, из католиков, но принятые на русскую службу, правда, гражданскую, не военную. Поляки эти как бы вяли великости державы, время от времени притеснявшей маленькую и гордую Польшу, и поэтому иронично, но и снисходительно похлопывали по плечу с т а р ш е г о брата. А наши офицеры были тоже молодцы, либеральны в духе уже распушенной эпохи (дело было накануне мировой войны), они сочувствовали полякам и даже жалели их.

Христос, единый и всеблагий, привел спутников в дальние края, в станицу Албазинскую, вполне обустроенную, с лиственничными домами, с синими куполами церкви, с красивой - на Самсоновском взвозе - лестницей, рубленной еще к приезду цесаревича Николая, теперь императора.

Путешественники добрались на Амур через Байкал и Кяхту верхами, хотя могли бы и по железной дороге, но молодость и воспоминания о временах Муравьева и Невельского усадили их в седла, они мчались на косматых монгольских лошадях, били с плеча козюль и птицу, помогали денщикам на стоянках

БОРИС ЧЕРНЫХ

МАЗУРКА

Рассказ

собрать хворост и варить кулеш, ухаживали по пути за скуластыми гуранками. Измочаленные перекладными, но уже сплавом, на барже, пришли они в Албазинскую. Стояло парное утро, в обильной росе. Они поднялись по Самсоновской лестнице и огляделись. Станица Албазинская была старинная, семнадцатого столетия, но тогда после горячих схваток с маньчжурами станицу пришлось отдать, а в девятнадцатом трудами и терпением забайкальских казаков удалось восстановить, станица быстро окрепла, похорошела, одомашнилась, по берегу Амура стояли скамьи, грубо рубленные, но оттого удобные, покойные. Здесь старики собирались, чтобы выкурить козью ножку с терпким самосадом, а по вечерам кучковались парни и девки. Уже и качели стояли с двумя продольными лодками, крашенные и накапанные, в полную высоту лесин.

К тому дню, когда русские молодые офицеры и польские чиновники оказались в Албазинской, во главе станицы третий срок трубил атаманом Василий Яковлевич Савинов, властный и боевой казак, за китайскую кампанию 1900 года и за японскую 1905-го получивший георгиевские кресты. Однако когда путешественники по казенной надобности пришли утром в станицу, атамана добудиться не могли - накануне, в Преображение Господне, то есть на Яблочный Спас, тот наотмечался до положения риз. Писарь Яшка Сенотрусов пытался побудить атамана, Василий Яковлевич разлепил глаза, тяжело встал на смутных ногах, обутых в ичиги (сон свалил его внезапно), промычал что-то и упал снова на топчан.

Молодые офицеры и поляки расхохотались, когда писарь доложил им о немощи атамана - между прочим эта немощь свидетельствовала о том, что берег этот воистину наш и будет нашим веками, офицеры пошли в заезжую избу, приказали истопить баню, заказали завтрак. Все было исполнено неукоснительно. Им поднесли из рейнского подвала красного вина, они выпили и уснули богатырским сном. Так что когда смущенный атаман явился пред их очи, они в свой черед не могли поднять разбитых дорогом тел, и атаман пошел домой. Под вечер он звал гостей на ужин.

Дом Василия Яковлевича стоял на обрыве, семью окнами к китайской стороне, и был высок, с сухим подом, с широким резным крыльцом. Зеленые перильца обрамляли крыльцо, и цветы хризантемы в клумбах, обложенных речным окатышем.

Стол ломился от яств, все оказалось свежее, августовски густое и сочное - овощи, ягоды, самогон хлебный, настоенный на кореньях, рябчики в грибном соусе, калуга маринованная из ледника. Атаман, похожий на сома, встретил гостей чисто выбритым, подтянутым, но без шашки, по-домашнему. Георгиевские кресты и Владимирская медаль тлели на его крепкой груди. А тут вошли в горницу атаманские дочери - Анастасия, Авдотья, Ангелина, Алевтина и юная Дарья, прибравшая в холщовом сарафане с лютиками по подолу да босиком, по домотканым коврикам. Девушки сели за общий большой

стол, словно воспитывались в светской, а не в казачьей семье, озорно глядели на офицеров и поляков. Что ж, их отец знал, как загладить утреннюю неловкость, и потому усадил девок за общий стол. А еще он позвал Яшку с тульской гармонией, Яшка слыл мастером брать любую мелодию на слух, сходу, и перебирал басовые и высокие тона как хотел, в горячую минуту подпевая мягким баритоном и пристукивая сапожком в пол.

Гости выпили раз и два. Атаман, боясь конфуза, лишь пригубивал. Самогон, похожий цветом и вкусом на коньяк, скоро раззадорил гостей. Наши офицеры и подхорунжий вызвали девушек и станцевали кадрили. Но следом поляки напели Яшке странный легкомысленный мотив, Яшка подхватил и понес, понес мотив через горницу и далее по комнатам большого атаманского дома и за окна, распахнутые настезь - теплынь стояла на дворе.

- Ма-зур-ка! - сказали поляки и позвали Дарью и Ангелину на танец. Круглобедрая Ангелина, девушка на выданье, под окнами ждал ее жених, вела себя томно, она стеснялась этого чужого, стремительного танца. Зато Даша - она осталась и в танце босиком - сразу уловила ритм и скорость мазурки и прокричала:

- Яша, быстрее, да быстрее же, зателепа! - отец рассмеялся, наши офицеры тоже рассмеялись. А поляки, меняясь, танцевали полчаса и далее, до упаду. Атаман, любясь

младшей дочерью, незаметно выпил серебряную стопу самогона, крепость не взяла его, но в висках зашумело, Василий Яковлевич встал, вышел и сделал два пристойных па, но где же угнаться было ему за юной Дашей. А поляки расстроено мигали длинными глазами и отдувались, потом что-то друг другу изнеможенно прокричали: "Эта девушка истинная мазовецкая полячка!" - вот что прокричали они и без сил опустились на пол, им поднесли холодного клюквенного сока, зубы ломило, но они выпили до дна.

- О, матка Боска! - простонали они. - Как тебя зовут? - спросил Дарью юный подхорунжий с дроботным славянским именем Микула, из яицких казаков, но подавший на перевод в амурские.

- Нас зовут Дарья Васильевна, - отвечала Даша улыбаясь, но давая понять, что на "ты" не принята в станице обращаться к девушке.

Подхорунжий понял намек. - Вы не Дарья Васильевна, вы - Мазурка! - воскликнул Вавила, расправил широкие плечи и отозвал к окну атамана. - Василий Яковлевич, есть ли жених у Мазурки?

Вопрос не застал отца врасплох. - У всех моих дочерей есть женихи, а у Даши сразу три поклонника, - с достоинством и совершенно правдиво отвечал атаман.

Микула потемнел лицом, молча ушел в заезжую избу. Но сначала он дерзко взял Дашину тонкую с китайским браслетом руку и поцеловал. Поляки прицокнули языками.

Назавтра с первыми петухами путешественники погрузились на баржу. В последний момент к берегу подбежала Даша, намочила в реке и бросила Микуле батистовый платок: "Не забывай Мазурку!" - выкрикнула она озорно, смотрела вслед уходящей медленно на фарватер барже. А с обрыва смотрел на Дашу юноша, еще мальчик, черноглазый и строгий, и сердце у мальчика опало, он любил Дашу с отроческих, а может быть - с младенческих лет. "И я никому тебя не отдам", - прошептал мальчик. "Пойдем, Даша. Я никому не отдам тебя", - сказал он, спустившись к воде, и больно стиснул Даше плечо.

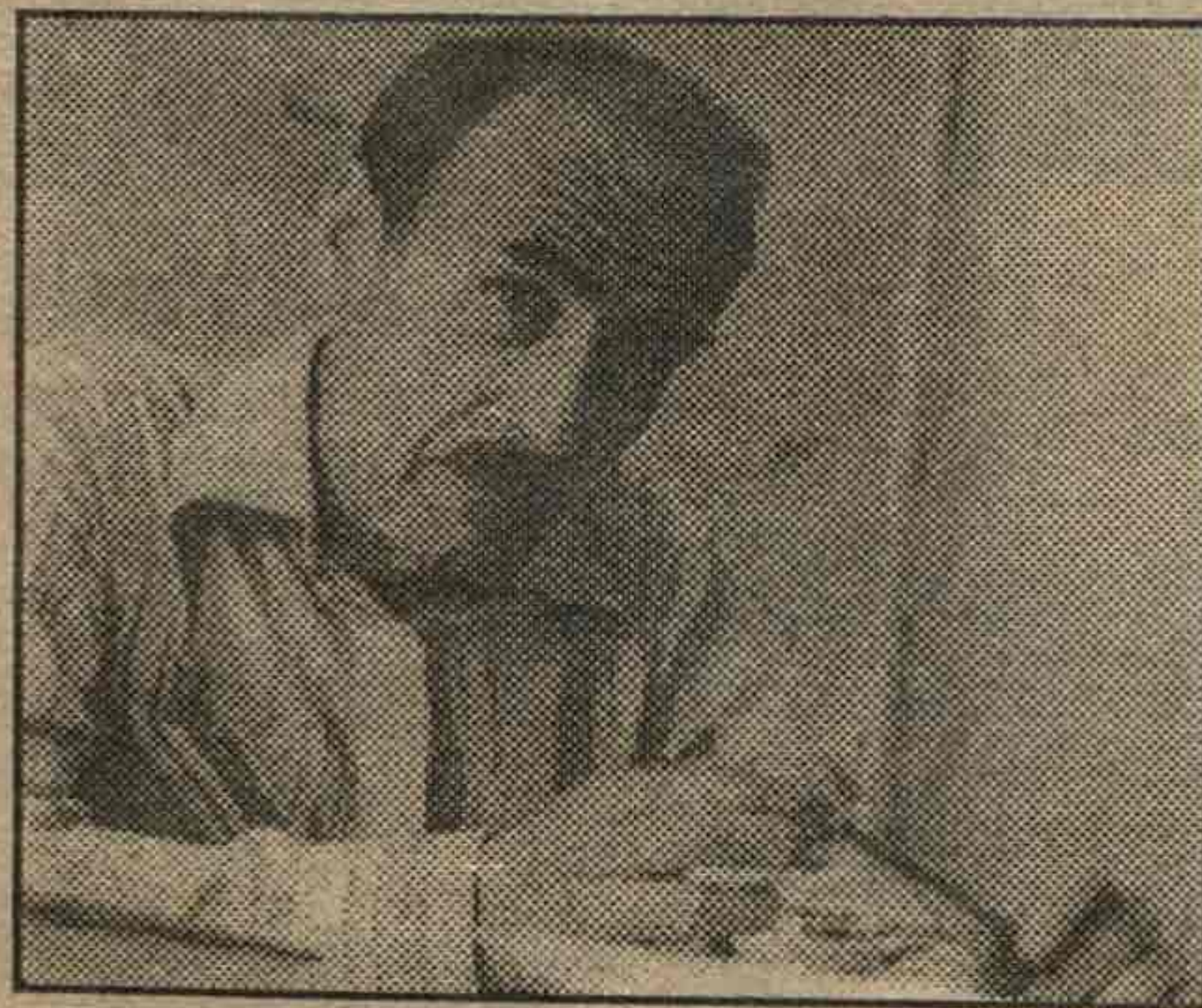
И сбывлось, не отдал, хотя она долго отбрыкивалась. В разгар гражданской уособицы их успели повенчать. Тут остатки гамового мятежа расходились и распозались по Амуру, в станицу Албазинскую неожиданно явился крохотный отряд, потерянный в боях, во главе его оказался сотник Микула.

Микула постучался в дом атамана, теперь бывшего. Василий Яковлевич впустил казаков в дом, накормил и напоил, по спать не уложил, потому, что красные шли по пятам, в любую минуту можно было ждать их вторжения в станицу Албазинскую.

- Куда ж вы теперь, сынки? - дрогнувшим голосом спросил старый атаман.

- За кордон, отец, - молвил Микула, - теперь нам не осталось на родине места. Уйдем к Харбину и оседем. И может быть, когда-ни-

Мы будем помнить Вас, Виктор Сергеевич!

Ушел из жизни Виктор Сергеевич Шевченко, заместитель главного редактора журнала "Дальний Восток". Его преждевременная смерть потрясла всех, кто знал его. Для нас тоже смерть его явилась громом среди ясного неба - еще недавно мы разговаривали с ним по телефону, читали его письма. Он постоянно держал связь с авторами, давал творческие задания, высказывал замечания относительно материалов, предлагал внести в них те или иные поправки, дополнить их. И авторы знали: Виктор Сергеевич возводить напраслину не будет, он всегда говорит по существу и по делу. Мастер, одним словом, тонко чувствующий чужой текст, не терпящий фальши, серости, недоработки. Да он умел работать с пишущей братией, умел делать из подающих надежды авторов настоящих профессионалов. Будь это публицисты, поэты или прозаики. Добрый, умный, сопереживающий - таким он останется в памяти многих дальневосточных, и не только дальневосточных, литераторов.

Вся жизнь Виктора Сергеевича связана с журналистикой. После окончания Киевского университета он работал на студии телевидения г. Комсомольска-на Амуре, затем в редакции газеты "Молодой дальневосточник". Уроженец Украины, он был влюблен в Дальний Восток и всю свою жизнь посвятил изучению прошлого и настоящего края. Многим памятна его замечательные очерки о путешествиях на дальневосточный север.

Работая в Хабаровском книжном издательстве, Виктор Шевченко вернул читателям забытые произведения многих мореплавателей и первопроходцев. Серия книг "Дальневосточная историческая литература", выпущенная под его редакцией, выдвигалась на Государственную премию. Это грандиозный труд. За него Виктор Шевченко был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Виктор Шевченко был по мнению многих ученых, писателей, специалистов иных творческих начал, человеком большой эрудиции. В творческой среде его считали "ходячей энциклопедией". К нему за консультацией по различным вопросам обращались работники музеев, библиотек, вузов, он был участником всевозможных дискуссий в Приамурском географическом обществе, Почетным членом которого являлся сам.

Последняя его работа - подготовленный к изданию двухтомник В. К. Арсеньева, писателя и путешественника, которым он всегда восхищался, жизнь которого считал образцом служения Отечеству.

Вечная тебе память, наш друг. Мы не забудем тебя никогда.

Издатели и авторы газеты "Русский берег".

будь вернемся. Но дай ты мне, Василий Яковлевич, посмотреть на Мазурку, одним глазом, прощально.

- Поздно, Микула, она обвенчана.
- Глянуть - и только, - сердечно просил сотник.

Мазурку позвали и оставили на минуту с Микулой.

- Вот твой сиреневый платок, Мазурка, - сотник из-за борта френча достал дряхлый лоскут.

Но Мазурка не дрогнула: "Ты опоздал, дружок. Прощай".

Микула приобнял Мазурку, с влагою во взоре выбежал на резное крыльцо: "В седла, ребята!"

Снова Мазурка стояла у кромки воды, и снова с обрыва смотрел на Мазурку уже не мальчик, а муж, и душа его трепетала.

- Пойдем домой, Лениюшка, - попросила Мазурка, - дома я что-то скажу тебе, ты заплачешь от счастья.

Они пришли к дому, поднялись в горницу. Там Мазурка положила Лениюшкину ладонь на свой поджарый живот: "Слушай", - Лениюшка услышал, как из Мазуркиного живота кто-то постукал настырно в его ладонь. "Твой мальчик, - смеясь, сказала Мазурка. - А после я рожу тебе еще мальчиков, они переживут бордовых, тогда атаманы снова придут на Амур".

Она и правда скоро родила Лениюшке двух сыновей и двух девочек. В трудах они поднимали их, пели им старинные песни, а новых не пели.

Но в двадцать девятом году взяли отца, Василия Яковлевича. Сначала - нет, не взяли, а потребовали, чтобы Василий Яковлевич не носил на казачьем чекмене георгиевские кресты. "Да я получил их, защищая Отечество". - "Нет, ты защищал царский режим". - "Нет, на сопках Маньчжурии я защищал родину". - "Заткнись, старый! - приказали ему. - И иди за крестами".

Василий Савинов ушел домой, снял с чекмена кресты, позвал дочерей и зятьев к берегу, там на их глазах забросил кресты в темную амурскую волну.

И тогда атамана взяли, заломив руки, увезли. Куда увезли, Мазурка так никогда и не узнала.

Но взяли и Лениюшку. Мазурка кинулась к пограничникам тигрицей, отбила мужа, тогда схватили и Мазурку, на розвальнях в крещенские морозы доставили в Рухлово, в пересыльной тюрьме разорвали их объятия, нагайкой, исполосовав, выгнали Мазурку на улицу. Она прискоком бежала по холодной дороге в станицу Албазинскую к детям и молила Бога за мужа и за детей.

Через полгода пришло письмо от мужа, из дальней дали. "Мы расконвоированы, - писал Лениюшка, - потому как уйти отсюда невозможно, болота и тайга, зимой дорога ледовая, а летом - два парохода толкут воду в ступе. Пришли фотокарточку Гоши и Кешки, Ани и Лизы".

"Пришлю живые образа деточек наших, - отвечала Мазурка двойным слогом, не сразу

уловленным Лениюшкой. - Потерпи, тятя".

В канун колхозной оккупации, не дожидаясь описи имущества, Мазурка продала отцов дом и скотину заезжему геологу, собрала мальчиков и девочек в дорогу. Увязала под марлю в корзину десять куриц, взяла пшени. Она знала, что делала. На перронах до Красноярска она станет менять живых куриц на ту еду, что будут бабы выносить к поездам.

В Красноярске Мазурка тайком пересчитала деньги, оставила на вокзале за старшего Гошу, приказала в плетенке оберечь трех исхудавших в дороге куриц и побежала на базар разведать, можно ли купить лошадь и розвальни с полой.

Читатель уже догадывается, что задумала Мазурка. Она задумала по Енисею, скованному льдом, спуститься туда, к Полярному кругу, и пусть князь Турухан посмеет не допустить ее к сыновью Лениюшке.

На Красноярской толкучке, опять же в канун обморочной колхозной описи, живности оказалось полно. Мазурка без удержу бродила между саней, вдыхала родные запахи конского пота и мочи, шупала копыта, заглядывала в пасти лошадям. О, в лошадях она разбиралась! Стыдно подумать, она и сейчас, мать четырех детей, смогла бы не только верхом, но и стоя на крупе босыми ногами, проскакать версту. "Погода с вихрем" - не зря звал ее отец. Бог не дал отцу сыновей, зато одарил его Мазуркой... И вот стоит она посреди шумного майдана. Коровы режут, козы блеют, лошади ржут, и тоскуют мужики и женщины, остатками свободы похмеляясь в санях.

- Тебе чего надобно, молодка? - спросил Мазурку осевшим голосом мужик. - Почто не бабьей заботой живешь, лошадям копыта метишь?

- Я с Амура, еду к своему на поселение.

- А где он у тебя, родимая?

- Под князем Туруханом.

- Ого, у Холодного круга. А с кем ты туда стопы правишь? Там нынче ночь, глаз коли.

- Два сынка да две дочки со мной. Старшему семь лет, а младшей три годика. Погодки.

- Лихая! Невтерпеж, да?

- Деточкам невтерпеж, по тятю тоскуют. Да и я тоскую. И он, само собой, тоскует тоже.

- А зовут тебя как?

- Мазурка, - неожиданно призналась она полузабытым именем.

Мужик печально всмотрелся в ее лицо, за семь суток пути убежавшее уже с опары.

- Скоро и я там окажусь, - сказал мужик. - Вишь, распродают хозяйство. Но успею ли уйти в Казахстан или куда дальше, не уверен. Бери моего мерина, довезет. За полцены отдам. Зовут его Гринько. Ох, и поработали мы последние годы, на славу. Да славу отнимают у нас. Не дают пожить спокойно.

- И не дадут, - подтвердила Мазурка.

- Их задача потравить нас и на потраве править слабыми. Но я хочу сберечь мальчиков, глядишь, доживут они до новой воли и поднимутся.

- Какая ж ты, однако, brave женщина. Забирай Гринько и не поминай лихом средняка Копылова, - мужик обнял мерина за гриву, постоял минуту, взял червонцы, не считая заткнул за борт кобуха, и пошел, пошел вбок, чуть припадая на ногу, оглянулся, тряхнул отчаянно головой и исчез.

Мазурка стоймя натянула вожжи и, раздувая ноздри, погнала Гринько к вокзалу. На вокзале она застала безумную сцену. Деточки ее, истомленные дорогой, не уберегли плетенку с курицами, плетенку опрокинули, птицы вывалились и, ополоумев, понеслись по залу ожидания, шпана кинулась их ловить. Деточки сбились в куток, дрожа. Плакала на коленях у Гоши махонькая Лиза.

Она подхватила деточек, выволокла на привокзальную площадку, забросила в сани, они помчались искать пристанища. И пока они мчались по выстуженным красноярским улицам, Мазурка, уняв сердце, смеялась вокзальному переполоху.

Ночью, угломонив ребят в Крестьянской избе, она промысливала тысячeverетный путь. Когда-то довелось ей идти с обозом на Благовещенск по зимнику, но тогда рядом были свои, игнашинские и албазинские, и Лениюшка был рядом, и та зимняя дорога показалась праздником.

На биваках казаки палили костры, жарили на вертелех бараньи туши, обливаясь жиром, ели, запивая затураном. Боже, как светло горел Лениюшка, вырвавшись с Мазуркой на волю, первенцев препоручив старикам. И Мазурка была счастлива, она обхватывала под тулупом Лениюшку и ласкала на ночных стоянках.

Теперь предстояло суровое испытание. Если не будет обоза в низовья, она пойдет одна. А день короток, и мерин не первой молодости,

а если собьет подковы (на ледовой дороге то запросто) - тут-то они и закукуют. И, говорят, снова начали гулять лихие люди, постреливать и обирать народ.

Под утро она вздремнула, припав лицом к Гоше, от него припахивало посконным, албазинским. Но очнувшись, она со страхом суевверным обнаружила, что младшенькая стала квелой. "Что с тобой, Лизавета?" - она губами коснулась Лизино лба и ощутила жар, поднимающийся из нутра.

Мазурка кинулась на подворье, запрягла Гринько, помчалась окраиной. "Знахарку надобно!" - выкрикивала она, но никто не решался назвать ей имя знахарки. Мазурка постучалась к платному доктору, горячечно запричитала: "Доченька занемогла, жар пошел, спасите девоньку". Доктор дал снадобья, но ехать в Крестьянский дом отказался. "В этой клоаке заразы хватает", - признался. Был ли он прав? Нет. В тридцатом году крестьянские дома не были еще крепкими домами там еще теплилась трезвая жизнь, сорванная позже с полозьев, там еще горели лампадки по углам и мерцали последние лики угодников.

Вернувшись, она достала образец Албазинской Божьей Матери, поставила детей на колени и молилась сама, да видно запоздали они с молитвой - Лиза отвергала снадобья с тихой улыбкой. "Я хочу домой, к бабеньке", - шептала девочка. "А тятя? Мы к тятю должны добраться". - "К бабеньке хочу", - просила Лизавета и с мольбой о бабеньке погасла.

Мазурка положила Лизу в шубейке посреди саней, усадила детей рядом и закурила по глухим улицам, отыскивая погост. Лиза быстро остыла, легкая и счастливая досада высветилась на бледном личике. Наконец отыскали они на западной окраине города неухоженное кладбище, со множеством свежих холмиков, по всему видно было, шел вселенский мор. Кладбищенский сторож проникся, отыскал взрослую домовину. С хладными лицами Мазурка и дети опустили Лизу в чужую, взрослую же, могилу, забросали мерзлыми комьями. В тот же час Мазурка рванулась из Красноярска к Енисею и погнала Гринько по зимнику. Потрясенные дети сидели, нахохлившись. Заметала след поземка.

Они добрались до первого села, их приютила одинокая старуха, в избе было тепло. Мальчики и Аня отогрелись и уснули, разметавшись на полу.

Мазурка опять за полночь лежала с открытыми глазами, в окно лезла стылкая луна, дети посапывали, и она забывалась неверным сном. Утром, увидев мокрые глаза у Гоши, никнула: "А ну, казак, подыми лицо, нас тятя ждет".

Испив горячего чаю с топленным молоком, они выскочили на ледовую тропу и помчались следом за двумя кошевами, и шли, пока не стали промерзать. Тогда она приказала детям сойти с саней и, взявшись за облучок, бежать рядом, а сама бежала.

В Подкаменной Тунгуске она взяла передых у богатых хозяев, намереваясь щедро заплатить за постой, рассчитав, что денег хватит, кажется. Хозяин, сухой мужик, смотрел на Мазурку всепонимающим взором. Она исповедалась: "К тятю бежим, тоска поедом ест".

- Не надо тосковать, голубушка, - молвил мужик. - Надо радоваться близкой встрече с бабьей.

- Дочку не довезла, похоронила в дороге, - вздохнув, призналась она.

- Довези этих. И не горюй. Бог дал, Бог взял.

Хозяева отказались от Мазуркиных денег, снабдили беглецов старыми овчинами и домашними припасами, даже водки дали в беззоровом туесе.

Хозяин подковал Гринько и похвалил Мазурку:

- Молодчина, выносливого конюшка выбрала. Да вот беда, волки балуют на Енисее, но я подарю вам песика, все веселье с песиком пойдете. А ежли волки начнут доставать, жгите соломенные жгуты.

Мазурка обняла хозяев, и они снова сошли с берега на лед.

Когда четыре года спустя они, с тятю уже, шли назад - им разрешили вернуться, но не в станицу Албазинскую, а в Урийск - Мазурке страстно хотелось повидать добрых богатеев; они отыскали дом, дом стоял с пустыми глазами окон, обгоревший. "Разорили Покидовых, - сказали соседи. - Обобрали до нитки, ушли они в леса и сгинули".

Дважды Мазурка ночевала с детьми на пустынном берегу, обобрав сушняк для неугасимого костра, лаечка подавала голос на дальнее волчьё завыванье. Мазурка отхлебывала по глотку из тусса и детям велела не брезговать крепким напитком, в кипятки добавляла ложку-две, и Бог миловал.

Лаечка привязалась к ребятам, ребята пове-

сели, исхудали, но взнеслись духом, у костра гоношились, ели сноровисто, делились с собачкой. Эх, мудрый оказался богатей из Подкаменной Тунгуски, лаечки не пожалел.

В версте от Туруханска, завидев огни поселка, она из проруби умыла лица ребятишкам и дала каждому ладонью под зад: "Какие же вы у нас с тятю лихие!"

Она не забыла омыть и себе задубевшее лицо, сняла полшалок, причесала волосы у осколка зеркала.

Они степенно въехали в поселок, отыскали дальний барак, комнату и кухню в котором снимал Лениюшка. Руки у Мазурки подрагивали, когда она вязала у прясла Гринька, и торкнулась, впереди подгоняя детушек, в тепло. У Лениюшки гостевал сосед, подперев кулаком многдумное лицо, он сумерничал с тятю.

- Ты к кому, тетка? - не признав своих, спросил Лениюшка, голос его, отметила Мазурка, был слаб.

Онемев, они стояли перед отцом. Теплилась восковая свеча, бросая тени по углам. Лениюшка взял свечу, подошел к ним, всмотрелся и - рухнул на колени: "Детушки мои"... Свеча погасла, гость, нащупав спички, возжег свечу. Пораженный явлением малых и матери сыльному отцу, сосед поперхнулся, ушел за порог, скоро вернулся, положил большой кус сала и мешочек с мукой и опять, с подернутым лицом, удалился.

- Лизу не довезла, - сразу призналась Мазурка. - Кори и бей меня, тятя.

Лениюшка притиснул Мазурку к тощей груди. Потрескивали в печи дрова.

Опомнившись, Лениюшка пошел на улицу, ввел Гриньку под дровяной навес, задал ося. Они, прижавшись, снова молча сидели в тишине.

Кто-то поскребся в дверь.

- Да это же Цыганок! - закричал Гоша, они впустили лаечку в дом, ребята наперебой стали рассказывать отцу, как одарили их в Тунгуске собачкой. А Мазурка, вдруг всхлинув, сказала: "Вот Лизонька наша", - и обняла собачку.

Опять, онемев, они слушали за окном ветер. "Пуржит, к непогоде, - сказал отец. - Придется занести побольше дров. Гоша, Кеша, пошли".

Он взял "летучую мышь", воспалил фитиль, мужчины налегке, в шапках, выскочили под метельный ветер.

- Аннушка, пойдй ко мне, - попросила Мазурка. - Ты все молчишь да молчишь, умничка моя, единственная. Люби тятю. Вот мы и добрались к нашему тятю. Ну, тут жить можно. Комнатка уютная, полки, вишь, сколотил, печь не дымит. Че еще надо гуранам, в Албазинской поначалу лише было.

Отец и сыновья принесли по две вязанки крупных поленьев.

- Теперь тлыбы прикрыли, - сказал отец. - А что вьюга, так и слава Тебе, на работу не погонют, побудем вместе денек-два.

- Ой! - вскричала Мазурка. - Тятя, тятя, у нас же есть заветный туесок! Святая водица горло дерет, да зато сердце греет, простуду гонит.

- А чесноку не привезли? - робко спросил Лениюшка. - Цинга явилась.

- Есть и чеснок, я его подвалила, чтобы не замерз.

Они налили детям в эмалированные кружки, развели сырой водой, а себе не стали разводить, хотя спиртное было сильнее водки. Они встали и, перекрестившись на угол, молча помянули Лизу.

Отец настелил в комнате на нары соломы, нары оказались широкие, раньше здесь гуртовалась семья. А себе и Мазурке отец постелил в кухонке прямо на полу. Они задули свечу. Отец в потемках пошел к мальчишкам и дочке и потискал их. Они послушались, как гуляет непогода за окном, но веселый треск в печи забивал пение пурги. Они враз провалились в блаженный колодец сна. Но скоро Гоша растолкал брата и сестренку, прикрыв им ладошкой теплые губы: на кухне, задавливая стон, плакали тятя и маменька. Но Мазурка опомнилась и сказала: "Лениюшка, давай еще по глоточку примем, за все хорошее, что было и что еще будет у нас и у наших деточек". И тогда мальчики и Аня снова уснули счастливым сном. Более таких счастливых снов у них, кажется, не было.

Это после, после той жизни - и в жизни этой, однажды, таким же счастливым сном заблудясь, вернувшись в Урийск с политзоны, последний их сын, Василий, названный в честь деда.

Но не в той - а в этой жизни Лениюшку, Мазурку и детей их старших смела ледяная метель в то заснеженное неудобье, где им всем довелось сойтись уже навеки. Но Мазурка верховодила и верховодит и там.